

Потехин Алексей Антипович

Крестьянские дети

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Антипович П.**
Крестьянские дети: Повесть / Потехин Алексей Антипович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 264 с.

ISBN 978-5-519-79349-0

ISBN 978-5-519-79349-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Сироты.

Въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ скудость и неурожайность почвы, короткое лѣто и длинныя зимы не позволяли крестьянамъ сосредоточить свои силы на одномъ хлѣбопашествѣ, а вызвали промыслы и фабричную дѣятельность,—до сихъ поръ еще существуетъ деревня Ломы.

Неприглядная сама по себѣ, вся изъ небольшихъ, трехъоконныхъ, крытыхъ соломою избенокъ, — она и помѣстилась на скучной, плоской, болотистой мѣстности. Не было при деревнѣ даже никакой рѣченки, никакого ручейка: воду для питья брали изъ колодцевъ, которые кстати въ болотистой почвѣ копать было легко и удобно; а для водопоя скота въ концѣ деревни былъ вырытъ мелкій прудъ, вѣчно затянутый зеленью и ржавчиной. Можетъ-быть и, вѣроятно, нѣкогда деревню окружали дремучіе лѣса; но крестьянская нужда, запашка и русская небрежность, а затѣмъ фабрики—давно уже уничтожили ихъ далеко кругомъ,—и деревня Ломы стояла, какъ говорится, на полнѣйшемъ пусто-плесѣ, ничѣмъ, ни-откуда не защищенная отъ суровыхъ зимнихъ вѣтровъ и метелей, отъ лѣтняго зноя и отъ всякихъ иныхъ лихихъ непогодъ. Торчавшія кое-гдѣ по огородамъ одинокія ветлы, березы и рябины не давали тѣни, не украшали мѣстности, а служили только пристанищемъ воронъ и галокъ, которыя, отъ времени до времени, косыми тучами поднимались и преле-

тали надъ деревней въ поле и обратно, оглушая воздухъ своимъ карканьемъ и криками.

Трудно себѣ представить болѣе печальное мѣсто для жилища человѣка: видъ деревни прежде всего наводилъ на мысль о бѣдности ея обитателей, о тоскѣ и скукѣ жизни въ ней. И мужики здѣсь, дѣйствительно, жили бѣдно—по-нашему, „ровненько“—по-ихнему мнѣнію; но ни скуки, ни тоски не знали, и даже любили свою деревню, гдѣ родились и умерли ихъ дѣды и пра-дѣды, гдѣ они сами родились, бѣдствовали, трудились и старались. Они не только любили свою родину, но даже любовались ею, находили въ ней особенныя удобства и красоты.

„Да чѣмъ наше не мѣсто?“—говорили они.—„Наше мѣсто привольное; глянь-ка,—куда видать во всѣ стороны; мѣсто открытое, ровное,—ни горы, ни овражины,—поѣзжай, куда хошь... А воды-то сколь у насъ! не какъ у людей,—по тридцати сажень колодцы роютъ: у насъ копни, гдѣ хошь, аршина на два—сейчасъ тебѣ и вода... Хлѣбъ у насъ родится, благодарить Бога, не хуже людей... Травки, хоть она и крупненька, и жестконька, да за то ея вволю... ну, про телятъ гуменники косимъ... Нѣтъ, у насъ, благодарить Бога, мѣсто привольное, хорошее... Вотъ лѣскомъ пообездолились; ну, да всѣмъ не возьмешь... Да по нынѣшнему времени, куда ни поди, лѣсовъ-то нѣтъ... Кой и стоятъ, такъ либо барскіе, либо купецкіе, да и тѣхъ въ умаленьи... Да, насчетъ отопленья тѣсненько стало, нечего сказать: лучинку—освѣтиться—и ту поди купи, да поѣзжай за десять верстъ... А то, чего не жить на нашемъ мѣстѣ? наше мѣсто самое привольное...“

— Отчего же вы не поправляетесь, не богатѣете?—спросишь ихъ.

— Какъ не поправляемся? Нѣтъ, мы живемъ ничего, благодарить Создателя,—живемъ не хуже людей... Недоимка на насъ стоитъ небольшая; скота—слава Богу: безъ лошади ни одного двора не найдешь... Живемъ ровно всѣ; другъ противъ друга никто не выскочилъ... Ну, а богатѣть—это отъ Бога; кому какой предѣлъ... У насъ богатѣевъ нѣтъ, всѣ одинъ къ одному живемъ...

На эту деревню, на ея добродушныхъ обитателей, нѣсколько лѣтъ назадъ, обрушился страшный бичъ: появилась холера. Эта ужасная эпидемія, какъ чудовищный звѣрь какой, переносилась изъ селенія въ селеніе, останавливалась, пожирала избранныя жертвы — и, насытившись, шла далѣе. Крестьяне встрѣчали ее — какъ настоящія обреченныя, беззащитныя жертвы. Правительство принимало мѣры, разсылало врачей, печатало наставленія, — какъ лѣчиться, какъ предохранять себя отъ болѣзни, — и эти мѣры достигали цѣли въ городахъ: чудовище уступало знанію и, побѣжденное, скоро уходило прочь; но въ деревняхъ оно почти не встрѣчало сопротивленія, — жертвы не защищались.

И что могли сдѣлать, какъ могли защищаться крестьяне? Наука доказываетъ, что главныя мѣры предохраненія составляютъ: правильная жизнь, питательная, не обременяющая желудка пища, осторожность отъ простуды, равномерная температура и чистый воздухъ въ жилищахъ. А крестьянинъ ѣстъ говядину два-три раза въ году, по большимъ праздникамъ; въ остальное же время наполняетъ желудокъ однимъ ржанымъ хлѣбомъ, капустой, кислымъ молокомъ, лукомъ, грибами; круглый годъ онъ не знаетъ другой пищи, да и не можетъ имѣть ея; онъ по цѣлымъ днямъ иногда долженъ работать или въ сырости, или подъ дождемъ, или подъ

палящимъ зноемъ, и за благо считаетъ освѣжить перегорѣвшее горло тѣмъ же кислымъ квасомъ, или водой изъ перваго встрѣчнаго бочага; а возвращаясь усталый и измокшій домой, онъ съ радостью залѣзаетъ на горячую печку, чтобы согрѣться и отдохнуть, и дышитъ въ своей избѣ воздухомъ, зараженнымъ испареніями всего съѣстного, что здѣсь же готовилось,—всего домашняго скарба, испареніями нагольных полусшубковъ, которые составляютъ и его одежду, и постель, и изголовье, и одѣяло; измученные жаромъ, духотою, недостаткомъ воздуха въ избѣ, они ложатся спать—или въ сѣняхъ, гдѣ дуетъ и врывается холодный и сырой ночной воздухъ во всѣ щели стѣнъ и пола, или въ сараѣ, или прямо подъ открытымъ небомъ. Возможно ли при такихъ условіяхъ жизни не захворать при эпидеміи, а заболѣвши—вылѣчиться, хотя бы и при помощи цѣлаго медицинскаго факультета? Крестьянина спасаетъ и защищаетъ отъ болѣзни только одна природа; только закаленный, ко всему привыкшій и претерпѣвшійся организмъ.

Холера особенно сильно свирѣпствовала въ Ломахъ. Крестьяне объясняли это особеннымъ гнѣвомъ Божіимъ, и никто не подумалъ, что причина заключалась въ мѣстныхъ условіяхъ,—въ болотныхъ испареніяхъ, которыми дышала деревня, въ отсутствіи всякой растительности, въ быстромъ переходѣ отъ дневного зноя къ ночной сырости, въ колодезной водѣ.

Много уже жертвъ похитила холера,—многихъ домохозяевъ потеряла деревня, многихъ членовъ не считывались семьи. Ужасъ, уныніе, какой-то страхъ и тупая покорность видѣлись въ глазахъ остававшихся живыми; притупились даже сострадательность и сочувствіе къ чужому горю и страданію, которыя составля-

ютъ отличительное свойство русскаго народа; начинали бояться другъ друга, сторонились одинъ отъ другого; не слышалось даже тѣхъ воплей, стонѡвъ и причитаній, которые сопровождаютъ похороны: какое-то тупое, безмолвное отчаяніе царило въ деревнѣ.

Въ числѣ жертвъ холеры—былъ одинъ крестьянинъ въ Ломахъ, не старый еще человѣкъ, трудолюбивый и дѣятельный,—Иванъ Парамоновъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, онъ сиротою былъ взятъ въ домъ крестьянина деревни Ломовъ и призначенъ, т.-е. крестьянинъ выдалъ за него свою дочь. Незадолго до холеры, тестъ и теща умерли, и онъ жилъ съ своею женою и троими дѣтьми, изъ которыхъ старшая была дочь, Марья, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, а двое другихъ мальчики: восьми лѣтъ и году.

Дольше другихъ щадила болѣзнь Ивана, и можетъ-быть оттого, что онъ не падалъ духомъ, не прятался и не боялся ея. Но вотъ однажды, къ вечеру, но прежде времени, онъ едва дотащился съ поля домой,—и жена его невольно вскрикнула, взглянувши на его помертвѣлое, страдальческое лицо. Сердце сразу сказало ей, что страшная очередь дошла и до ихъ семьи. Иванъ не пошелъ въ избу и повалился на мосту въ сѣняхъ. Маша выскочила изъ избы, чтобы ухаживать съ матерью за больнымъ отцомъ; но онѣ обѣ не знали, что дѣлать, за что взяться, чѣмъ помочь. Докторъ наѣзжалъ раза два въ Ломы, оставилъ даже лѣкарства, объяснялъ, какъ употреблять ихъ, и какія еще другія мѣры принимать въ случаѣ заболѣванія; но въ отсутствіе доктора оставленныя имъ лѣкарства и совѣты не помогали, и крестьяне извѣрились въ нихъ, рѣшивъ, что если кому отъ Бога „предѣлъ положенъ“, такъ

никакой лѣкаръ не отходитъ, никакое лѣкарство не поможетъ,—а кому встать, такъ и безъ лѣкарства встанетъ...

Долго сильная натура Ивана боролась съ болѣзнью; но скоро вслѣдъ за нимъ захворала и свалилась его жена, такъ что Машѣ пришлось ухаживать вдругъ за двумя больными — отцомъ и матерью, и въ то-же время заправлять всѣмъ домомъ. Ждать помощи было неоткуда: у всѣхъ сосѣдей былъ свой страхъ, своя забота, свое горе; родныхъ у нея въ деревнѣ не было. Маша не растерялась, не упала духомъ, не бѣжала съ воплями просить о помощи. Блѣдная, истомленная, съ измученнымъ страдальческимъ лицомъ, не смыкая глазъ ни днемъ, ни ночью, переходила она отъ отца къ матери, подавала имъ пить, растирала ноги и руки, корчившіяся въ судорогахъ, дѣлала—что могла и умѣла, чтобы облегчить страданія,—приговаривала сквозь слезы тѣми ласковыми словами, которыя подсказывало ей сердце, и въ то-же время носила на рукахъ маленькаго брата, когда старшій братишка уставалъ и бросалъ его; и въ то-же время не забывала вечеромъ и утромъ выдоить корову, согнать со двора скотъ на пастушню и встрѣтить его, а также накормить братьевъ. Отецъ и мать, въ минуты облегченія страданій, смотрѣли на нее угасавшими глазами, какъ на ангела-хранителя,—призывали къ себѣ, приговаривали ласковыми словами, благословляли, просили, какъ взрослую, не оставлять сиротъ,—своихъ малыхъ братишекъ, или напоминали о хозяйствѣ, о томъ, что нужно сдѣлать въ домѣ и въ полѣ, рассказывали, гдѣ лежатъ ихъ скудные достатки, ихъ рубли и копейки, сбереженные для уплаты предстоящаго оброка и другихъ податей. Маша слуша-

ла ихъ серьезно и сознательно, успокоивала ихъ надеждою на выздоровленіе, увѣренно обѣщала не оставить сиротъ, исполнить все по ихъ желанію.

— Матушка, Машенька! да сама-то ты малъ чловѣкъ, сама-то ты пропадешь, изведешься безъ насъ...— говорила мать, среди стоновъ.— Батюшки! дѣтушки мои малыя, болѣзныя!...

— Дома не рѣшай, Машута... какъ можно!... братишковъ соблюдай, сдѣлай мужиками.. Охъ!.. Господь не оставляетъ сиротъ...—стоналъ отецъ...

— Рубаху-то на меня надѣнь холщевую... и сарафанъ... Бумажины не клади со мной въ гробъ отъ: грѣшно...—наказывала мать, вспоминая, что она, при точѣ на купцовъ миткаля, затаивала по нѣскольку золотниковъ пряжи, изъ которой потомъ ткала миткаль про себя и семью.

— Купцу-то... Петру Митричу... три рубля забралъ я у него подъ точу... простить, чай; сходи къ нему... поклонись... для сиротъ, молъ... Охъ... А штуку-то срѣжь со стана-то, да отнеси... всю съ концомъ... Охъ... самой, чай, не доткать...

— Дотку, може, сама... а нѣтъ,—отнесу,—увѣренно отвѣчала Маша.

Но пришло время, когда родители Маши не въ силахъ уже были и говорить; осунувшіяся, измѣнившіяся лица ихъ выражали одно только физическое страданіе: помутившіеся глаза, казалось, не отражали ничего, ничего не видѣли, не узнавали даже дѣтей, даже Машу, которая продолжала переходить отъ отца къ матери, поправляла изголовье, прислушивалась къ тяжелому дыханію, съ тоскою заглядывала въ эти страшные тупые глаза, спрашивала: „что болитъ? не нужно ли чего?“ и не получала никакого отвѣта.

Это молчаніе, эти тупые глаза дѣйствовали на бѣдную дѣвочку сильнѣе, чѣмъ стоны и оханья больныхъ. Съ невыразимой тоской, съ болью въ груди и въ сердцѣ, съ чувствомъ страшной безпомощности и своего безсилія смотрѣла она на дорогихъ больныхъ. По лицу ея текли слезы, маленькія руки и ноги дрожали, она не въ силахъ была даже приподнять братишку, который ревѣлъ и просился къ ней. Она полубезсознательно слушала этотъ ревъ: онъ не трогалъ, не волновалъ ея; онъ какъ будто даже ободрялъ ее, мѣшалъ овладѣть ею ужасу, который подступалъ къ ней: она чувствовала около себя жизнь.

Но и родители ея еще не умерли: грудь тихо поднималась, слышалось сиплое дыханіе, голова дѣлала слабыя движенія, хотя руки и ноги и все тѣло лежали неподвижно, какъ бы уже утратившія жизнь. Вдругъ мать судорожно потянулась всѣмъ тѣломъ, тяжело, съ какимъ-то хрипомъ, вздохнула, глаза ея какъ будто раскрылись, сдѣлались на мгновеніе свѣтлыми и искали взгляда Маши. Она припала къ матери, ожидая, не скажетъ ли она чего-нибудь, смотрѣла ей въ глаза съ ожиданіемъ, съ любовью; но эти глаза были уже совсѣмъ стеклянные, совсѣмъ неподвижные, грудь не волновалась, дыханіе прекратилось... Маша поняла, что съ матерью было все кончено, что это была смерть, что она потеряла мать безвозвратно... Въ то же время, въ груди отца начался страшный, предсмертный хрипъ, „заходилъ хоробрецъ“, какъ говорятъ крестьяне... Теперь только Маша совершенно растерялась: съ воплями, съ крикомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, не сознавая, что дѣлаетъ, выбѣжала она изъ дома на улицу и остановилась среди ея.

— Батюшки!... родненькіе!... голубчики!... тятенька!...

маменька!... батюшки!... что будет!...—кричала она, рыдая, держась за голову и безнадежно озираясь по сторонамъ.

— Маленькій братишка поползъ за нею на четверенькахъ, скатился кубаремъ съ лѣстницы и кричалъ въ голосъ, катаясь по землѣ около крылечка. Старшаго братишки не было въ избѣ: Маша отпустила его гулять.

Изъ сосѣднихъ избъ слышали ея отчаянный крикъ и вопли. Отворилось одно окошечко, высунулось женское лицо; отворилось и въ другой избѣ, — и оттуда тоже показалась голова, повязанная платкомъ.

— Что, Машутка, реवेशь?—окликнули ее бабы.— Али побывшился кто изъ твоихъ-то?.. Матка, что-ли? али батька?.. Не реви, дурочка: молви путемъ-то... Вонъ братишка-то свалился, — убилися, чай; подними его... Али спужалась, дурочка?.. Что баешь-то?.. А ты не реви... Коли побывшился который, такъ бѣги къ баушкѣ Офросинѣ: она прибираетъ покойниковъ - то... Окромя ея никто теперь не пойдетъ: не то время... Тоже опасатся... Слышь,—бѣги, говорятъ, къ баушкѣ Офросинѣ... Машутка, да не реви... слышь: за баушкой Офросинѣй подь... Ну, что дѣлать-то? Божеское попущенье на всѣхъ... Знамо, сироты!.. Да коли Божье насланіе,—Его власть, — Создателя... У всѣхъ горя, въ кажинномъ домѣ. — Подбери братишку-то: мотри, зашелся, реветъ... Подбери, да иди, говорятъ, за баушкой Офросинѣй: больше никого не выкличешь, никто по теперешнему времени не выйдетъ... Хоть все реви... Эка болѣзна,—спужалась!—Ну, Богъ съ тобой, Христосъ съ тобой... Окстись, дѣвонька, окстись... Что дѣлать-то, болѣзна!.. Сироты будете: васъ, сиротъ, Богъ не оставитъ... Поди, матушка, поди за баушкой Офросинѣй... Эко дѣло!.. Господи, батюшка!

Маша, наконецъ, пришла нѣсколько въ себя, поняла, что ей говорятъ, подняла брата, взяла его на руки и пошла, заливаясь слезами, въ конецъ деревни, гдѣ, въ сиротской келейкѣ, жила одинокая, безродная бабушка Офросинья, единственный человѣкъ въ деревнѣ, не пугавшійся холеры и принявшій на себя мірскую службу: справлять и обрывать покойниковъ.

Это была старуха лѣтъ за семьдесятъ, худая, морщинистая, но еще бодрая. Лѣтъ пятнадцать уже жила она, одна-одинешенька, въ своей избенкѣ, на самой околицѣ, и прокармливалась своими трудами: зимой пряла, а лѣтомъ ходила на поденщину, и на сѣнокосъ, и на жнитво; слыла повитухой и принимала новорожденныхъ у своихъ деревенскихъ бабъ; а когда пристигала крайняя нужда и не на чемъ было заработать,—не стыдилась, закинувши на руку плетенку, обходить свою и сосѣднія деревни, прося подаянія Христовымъ именемъ. Теперь, въ годину общественнаго бѣдствія, ея заслуги передъ всѣмъ міромъ были велики: не было почти дома въ деревнѣ, въ который бы не призывали ее обрядить покойника; были случаи, что тѣ старческія руки, которыя воспринимали новорожденнаго человѣка, обмывали и одѣвали его бездыханное тѣло въ послѣдній разъ на землѣ: надъ такими и у бабушки Офросиньи выкатывались слезы изъ глазъ.

„Вотъ, своими руками на свѣтъ приняла,—изъ своихъ и землѣ отдала! — приговаривала она въ такихъ случаяхъ.—Вотъ, Богъ-то, батюшка, никого не спрашиваетъ: жить бы еще, да жить ему, а вотъ его взялъ, а мнѣ жить приказалъ!“

Маша вошла къ Офросинѣ въ избенку и застала ее дома. Отъ слезъ дѣвочка не могла выговорить ни